

Дыхание Змеи

Стеффи Моне

18+

Стеффи Моне
Дыхание Змеи

«Автор»

2026

Моне С.

Дыхание Змеи / С. Моне — «Автор», 2026

История ядовитой Змеи рассказывает о том, что любовь может быть не только чувством, но и действием: она проявляется в заботе, в умении хранить тайны, в готовности отогреть и защитить или слопать человека, не оставив костей. При этом зло не исчезает бесследно, не вырастает, а уходит в тень, и его нужно уметь отделять от себя, чтобы построить своё тихое счастье.

© Моне С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Стеффи Моне

Дыхание Змеи

Глава

В этой пещере от века не бывал свет — лишь сырая тьма, густая, словно смола, стекала по стенам из грубого, векового камня.

Да и к чему свет? За годы уединения темнота становилась верным спутником — тем единственным, перед кем не надобно прятать личину. С нею можно было честно признаться, что ты — ядовитая гадина, сотканная из проклятия и боли. Но до такой честности ещё предстояло дорасти сквозь долгие ночи, когда даже собственное дыхание звучало как приговор.

Сначала в дрожащем отражении стоячей воды мерещилась добрая и прекрасная девица — та, от чьего взгляда рыцари теряли разум и честь. Потом — женщина, чья стать кружила головы и рушила судьбы. И лишь после долгих дней, когда эхо собственных шагов стало единственным собеседником, темнота являла истинное зеркало — безжалостное, как жало змеи.

Снова тяжёлые капли падали с низких сводов, разбиваясь о поверхность воды с глухим, почти погребальным звуком. Скользкие камни, поросшие седой плесенью, укутывали это мокрое, тёплое убежище, словно саван. Снова она нежилась в зеленоватой, болотной жиже, вдыхая тяжёлый запах тины и гнили, наслаждаясь приятной дремотой и безумной гладкостью собственной чешуи — тела, что давно перестало быть человеческим. Но стоило вспыхнуть мелким огонькам — то ли блуждающим болотным духам, то ли искрам чьего-то отчаянного факела, — она морщилась от правды, затерявшейся в глубине пещеры, где покоились кости тех, кто искал спасения или славы.

Огромный змеиный хвост, тяжёлый и жилистый, переливался тусклым светом, скручиваясь в кольца и играя призрачными отблесками луны, едва пробивавшимися сквозь узкое жерло пещеры. Станный узор на коже — руны проклятия, выжженные не железом, а самой судьбой, — был неподвластен глазу смертного: стоило лишь задержать на них взгляд, и разум начинал шептать безумные вещи.

Язык тихо ощупывал пустоту, пробуя воздух на вкус. Здесь никого не было — лишь змеиная сущность, древняя и холодная, всегда готовая к нападению, полная мелкой гадости и глубокой, бездонной ядовитости.

Нет смысла обманывать людей своей исключительной неповторимостью, изгибать стан, словно пьяная гуттаперчевая танцовщица на потеху толпе. Зачем лгать себе и другим, если твои зубы и без того пугают странников, заставляя дрожать даже самых отважных, тех, кто клялся, что не ведают страха?

Капелька яда скатилась из пасти на землю, упала в воду и растворилась радужным, зловещим кружочком, расплзшись по поверхности водоёма маслянистой плёнкой. Мгновенно рыбы на расстоянии вытянутой руки замерли, выпучив остекленевшие глаза, и умерли, любезно позволив собой позавтракать. Вкусное сырое мясо не сравнится с человечиною — ведь люди — это всегда блюдо мести, приправленное горечью предательства и солью пролитых слёз.

Смерть пугающе прекрасна: глаза, замирающие в пустоте, словно пытаясь ухватить ускользающий свет, и тело, медленно синеющее от яда, как будто сама жизнь покидала его, оставляя лишь холодную оболочку. Раз — и ты уже в мире грёз, где не нужно бояться света и нового пути. Все мы в этом мире странники — приходим из ниоткуда и уходим в никуда, словно тени на стене, брошенные колеблющимся пламенем. Так почему бы не придать этому движению скорости, не ускорить неизбежное, пока судьба не сделала это за тебя?

Тяжёлая поступь человека отдавалась в ушах глухим эхом, больно была в сердце, напоминая о бречности. У берега заскользили осторожные шаги — не звонкие, как у рыцарей в парадных доспехах, а тихие, крадущиеся, выдававшие страх. Оружия не было слышно, но оно надёжно пряталось за пазухой, холодя грудь стальным прикосновением. Значит, поиграть с едой сам Бог велел — или сам дьявол, что водил путников по этим проклятым землям.

Узорчатые спирали чешуи заскользили к выходу из пещеры — тускло мерца в полумраке, словно в них таились осколки лунного серебра. Охота началась. И не стоит винить хищника в нападении, если сами пришли в его лапы, затаив самое страшное предательство — убийство ради собственного эго, ради славы, которая рассыплется прахом, едва солнце взойдёт над горизонтом.

Нежный, убаюкивающий голос что-то тихо шептал у ручья — слова, потерянные в шуме воды, как слёзы в дожде. Рыцарь седьмого колена подошёл совсем близко к пещере, ступая по камням, острым, как лезвия, но разве мог он представить, что поход за подвигом начнётся со спасения красавицы — или с гибели, что была предначертана ему звёздами в тот миг, когда он впервые надел доспехи?

Струйки холодной, хрустальной воды стекали на длинную хрупкую шею и прекрасные юные груди, спрятанные в чёрных волосах, придавая деве очарование лесной феи — но в этом очаровании таилась гибель. Красавица вздрогнула и обернулась на незваного гостя, вспыхнула, словно маков цвет на фоне серой скалы, и нырнула с головой в ледяную воду, скрывая наготу в тёмных глубинах.

— Не бойся меня, красавица. Я смогу защитить тебя от зла, что прячется в этой зловонной пещере, — голос рыцаря дрожал, и в нём слышалась не столько отвага, сколько отчаянная попытка убедить самого себя в храбрости.

Его руки протянулись так близко — они дрожали от неприкрытой страсти, от жажды подвига, от желания доказать себе и миру, что он ещё чего-то стоит.

Ох, уж эти мужчины! Ничто их не изменит: подвиг и похоть идут рука об руку, сплетаясь в тугой узел, который лишь смерть способна развязать.

Так стоит ли потакать этой глупости?

Кто же из нас зловоннее — тот, кто убивает ради славы, или тот, кто делает это ради вождения?

Мгновенно огромная пасть возникла из ниоткуда, распахнувшись с низким, вибрирующим шипением, и захлопнулась, оставив ноги безвольно болтаться между ядовитых зубов, словно тряпичные куклы.

Сгиньте бездарные охотники на чудовищ! Глупые рыцари, что ищут подвиги, а находят смерть, не понимая, что слава — это лишь тень, отбрасываемая костром, который рано или поздно погаснет.

Что гонит вас в пасть смерти? Неужели не лучше тихо заниматься своими делами и замками, ухаживать за матронами, которые прячут свои лица и тела в башнях, оставляя на виду лишь самое красивое — волосы, струящиеся по плечам, как шёлковые ленты?

И ползут, ползут глупцы всё ближе к пропасти, ведомые гордыней и жаждой признания. Не стоит тогда винить змей в коварной лжи, превращающей женщин в милых фей и нежных статуэток — ведь порой сама природа наделяет красотой ядом, чтобы защитить себя от тех, кто хочет её присвоить.

Она выплюнула кости и оружие — железо было горьким на вкус, как и разочарование. На вкус рыцарь был удивительно противным — таким же, как тысяча других охотников за славой, чьи имена уже давно стерлись из памяти народа, оставшись лишь в виде ржавых клинков и истлевших знамён.

«Ложь! — скажут Баяны, прекрасные песенники. — Победа была не честной, а коварной и бесчеловечной». Но кто знает, каково лицо истины? Каков настоящий образ, скрытый под маской добродетели или под чешуёй чудовища?

Возможно, и змея когда-то была миленькой девчонкой, без памяти влюбившейся в того, кого не следовало, — в Бога с гордым взглядом и пустым сердцем. Обманщик использовал её тело и душу, а потом разбил сердце, не оставив даже осколка, чтобы оплакать утрату. А когда его жена ворвалась в их любовное гнёздышко, шурша тяжёлыми юбками и звеня золотыми украшениями, и наложила страшные чары, просить о пощаде было уже слишком поздно. "Гадина" приняла незаслуженное проклятие как возмездие за глупость и доверчивость — и теперь сама стала орудием возмездия.

С тех пор несчастное создание мечется между адом и раем, разрываясь между красотой и ужасом, между желанием быть любимой и необходимостью защищаться. И нет великой сказки со спасительным поцелуем: змея искала чудо, но каждый раз получала лишь кинжал в грудь и отчаяние в глазах, полных ужаса и страха. Ненависть и разочарование — вот мой удел, тяжёлый, как кандалы, выкованные в преисподней.

Кто-то полз, и она слышала его дыхание — тяжёлое, прерывистое, словно каждый вдох давался ему ценой невыносимой муки. Руки и ноги были стёрты в кровь, и из ран сочилась алая, пугающе яркая кровь, пахнувшая железом и отчаянием. Нет, он давно не был рыцарем — не тем, кто гордо скачет на коне, сверкая доспехами, а тем, кто ползёт по земле, теряя остатки достоинства. Может, когда-то, в те далёкие дни, когда тело его было полно силы, он и мог угрожать её жизни, но не сегодня. Теперь этот ущербный калека приближался лишь затем, чтобы умереть — или чтобы найти в себе силы жить дальше, если судьба соизволит дать ему ещё один шанс.

Гадина тихо вздохнула, и в этом вздохе слились усталость и отвращение — усталость от вечного противостояния и отвращение к этой горькой еде, пропитанной слезами и унижением. Она ненавидела такую еду — горькую от разочарования, солёную от пролитых слёз, тяжёлую от несбывшихся надежд. В этом мире, если и есть за что бороться, так это за саму жизнь — за каждый вздох, за каждый удар сердца, за право смотреть на рассвет, даже если он окрашен в цвета крови. Что бы ни случилось с несчастным человечком, лишь слабаки имели наглость добровольно отдать свою жизнь на растерзание смерти, не попытавшись ухватиться за соломинку, которую иногда бросает судьба.

Сил у «еды» оставалось всё меньше. Было почти приятно ползти рядом, ощущая жар его отчаяния, слизывая кровавые следы, будто пробуя на вкус саму боль — ту самую боль, что когда-то разъедала и её душу. Казалось, душа его уже замерла от горя, сжалась в тугой узел страдания, готовый лопнуть от напряжения. Но что может быть горше её участи? Жизнь давно превратилась в вечную муку — и всё же она жила. Всем бедам назло, всем врагам на поругание, цепляясь за существование когтями и зубами, как за последнюю святыню.

Пусть красоту её спрятала ужасная, склизкая гадость, а душу размяло предательство — то самое, что ранило глубже любого клинка, потому что клинок лишь режет плоть, а предательство убивает душу. Ведь он тогда даже не извинился, не склонил головы, не попытался взять удар на себя. Нет, любимый пресмыкался перед женой, униженно вылизывая её ступни и обвиняя во всём несчастную гадину, словно искал в чужой боли оправдание собственной низости, пытаясь смыть с себя вину кровью той, что любила его больше жизни.

А теперь этот глупец, подползший совсем близко к пещере, наконец подал голос — его слова звучали как молитва и как проклятие одновременно:

— Прощу, убей меня! Моя жизнь ничего не значит. Все ненавидят тебя, но меня — презирают. Раньше я был силен и велик, но тяжёлые раны сделали меня безногим калекой. Сколько унижения я вытерпел с тех пор... Моя невеста сбежала, переспав с трубочуром в соседней комнате — я слышал их стоны сквозь тонкую перегородку и понимал: это плевки в мою любовь,

в мою верность, в самую мою суть. В этой жизни уже не вернуть счастья, не поверить в любовь, не стать прежним человеком. Значит, остаётся лишь просить, чтобы ты подарила мне мучительную смерть от твоего яда. Лёгкой кончины я не достоин — моя наивность и слепая вера слишком позорны и смешны, они стали моим проклятием.

Шелест огромной змеи раздался совсем рядом — низкий, вибрирующий звук, от которого стыла кровь и темнело в глазах, словно сама тьма сгущалась вокруг. Её дыхание пугало, а взгляд, казалось, прожигал темноту насквозь, выхватывая из мрака каждую дрожащую линию изломанного тела, каждую каплю крови, каждую слезу, застывшую на ресницах. И шипение ответило умирающему князю, звуча как приговор и как откровение:

— Ты слишком рано сдался, герой. Разве твои раны получены не в бою, не от руки врага, не во имя чего-то большего, чем твоя собственная гордость? Разве твои враги пали так легко, чтобы ты теперь полз на милость убийцы, предлагая свою жизнь как дешёвую монету?

— Нет мне жизни без ног, — прошептал он, и голос его дрогнул, срываясь на хриплый шёпот. — Нет счастья без звона стрел, без лязга мечей, без ветра, свистящего в ушах, когда мчишься навстречу опасности. Да и единственная любовь всей моей жизни предала меня, оставив одного стогать от стыда и боли.

Шипение беззвучно засмеялось — в нём слышался холодный, древний смех, чуждый человеческому горю, смех тех, кто видел, как рушатся империи и как прах становится землёй.

— Ты лишь в начале своего пути, ребёнок. Как можешь ты знать, что ждёт впереди, чтобы так бездумно бросаться в мои объятия, словно смерть — это избавление? Ты ещё можешь быть счастлив — в отличие от мёртвых. Их уже ничто не порадует. Я разорвала их жилы, растёрла в пыль кости, высосала кровь, но они пришли с мечом, готовые убивать и умирать. Так зачем мне твоя жизнь, если ты сам её бросаешь к моим ногам, как ненужную тряпку?

Князь, некогда великий воин, чьё имя гремело на полях сражений, упал ниц, прижался лбом к прохладной воде её заводи и, задыхаясь от слёз и бессилия, молил то о милости, то о смерти, сам не зная, чего хочет больше — жить или перестать чувствовать эту невыносимую боль.

Боль разочарования окатила её душу ледяной волной, пронзив до самого сердца. Да, даже самый сильный становится слабым, когда предаёт тот, кого любил, — и в этом они были похожи, она и этот сломленный князь, два осколка разбитого мира.

— Глупец! — прошипела она, и в голосе её зазвучала сталь, холодная и острая, как лезвие ритуального кинжала. — Не пройдёт и суток, как в твой дворец придёт целитель — с глазами, видевшими слишком многое. Он спасёт твои раздробленные кости, срастит их силой трав и заклинаний, а за это ты будешь обязан мне одним желанием. И тогда не смей молить о пощаде, если я пожелаю проглотить тебя за твою слабость, за то, что ты так легко готов был отказаться от жизни, словно она ничего не стоит.

— Если слова Великой сбудутся и я смогу отомстить за свои обиды, то и умереть не стыдно, — тихо, но твёрдо ответил он, и в его голосе впервые за долгое время прозвучала искра прежней силы — та самая искра, что когда-то зажигала сердца воинов и вела их в бой.

Гадина прикрыла глаза: эти разговоры пробудили в ней аппетит, острый и неукротимый, но теперь он смешивался с чем-то ещё — с интересом, с любопытством к этой сломанной, но не сломленной душе. Казалось, сама судьба благоволила ей сегодня, сплетая нити судеб в причудливый узор. Доброе дело, как известно, должно быть наказано — особенно если это добро исходит из пасти чудовища.

Не успел маркиз отползти и на полмили, как из темноты вырвались рыцари, бросившись в атаку на зло, что таилось в пещере, размахивая мечами и выкрикивая имена святых, словно слова могли защитить их от того, что было старше самих богов.

Она разинула пасть, и острые мечи, тяжёлые железные латы — всё отлетело прочь, отброшенное яростным дыханием и мощью древнего существа, рождённого в те времена, когда мир

был молод и жесток. Сталь гнулась, как тонкая проволока, а крики воинов сливались в единый, отчаянный вопль, который быстро затихал, поглощённый тьмой пасти.

Этот ужин показался ей особенно вкусным — не только из-за сочного мяса и горячей крови, но и из-за той ярости и отчаяния, что придали особый, пряный вкус. Жизнь подарила ей надежду — ужасную, кровавую жертву, что должна была утолить и голод, и жажду мести, и ту пустоту, что жила внутри неё с тех пор, как она перестала быть человеком.

Игра началась — древняя, жестокая игра, в которой ставкой была сама жизнь, а призом — возможность переписать судьбу.

Тепло маленькой пещеры, пропитанное запахом сырой земли, густой, почти осязаемой тьмы и нежной, сладковатой крови, успокаивало, погружая в особое состояние покоя — словно сама вечность шептала свои древние тайны, обещая, что всё будет так, как должно быть. Ей не хотелось сегодня изливать яд или пугать глупых путников, которые, одержимые жаждой подвигов, решили испытать свои нервы на прочность, не понимая, что сами становятся частью чужой игры. Тело медленно закручивалось в спираль, искрясь тусклым, зловещим светом, будто в чешуе таились осколки лунного серебра; змея погружалась в дрему, и даже время, казалось, замирало в этом укроном уголке, забытом богами и людьми, ставшем её личным склепом и святилищем одновременно. Настроение покоя и сытости дарило маленькое счастье и желание созерцать жизнь в своих пророческих снах, где прошлое и будущее сплетались в единый, мрачный узор, вышитый нитями судеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.